количество посетителей выше тысячи), в том числе и процессов управления. Преимущества «аналогов» исследовательского материала, предоставляемого средой, таковы: электронный вид, ссылочная структура, цитирование и доступ к архивам. К недостаткам нужно отнести ограничение доступа (например, к личной переписке), сложность включения в различные группы, многообразие смыслов и трудность интерпретации, а также чрезвычайную избыточность материала.

Выбор способов получения новой информации или обработки имеющейся определяется объектом и предметом исследования. Субъектная модель, предложенная выше, помогает сфокусировать исследовательский поиск на определенных особенностях сферы при ее общем моделировании. Такое предложение обусловлено общемедийным требованием субъектности и описательными возможностями концепции С.Л. Рубинштейна. Субъект, оказывающий влияние на участников среды, определяет формами своей активности те поисковые стратегии, которые социолог может применять для выявления самого субъекта, форм управления и целей, имеющихся у субъекта относительно других участников среды.

Социологическое исследование процессов управления в блогосфере представляет собой не просто сумму последовательно применяемых социологических методов. Во-первых, каждый из них требует адаптации к специфике и организации сетевой среды. Во-вторых, сложность подхода исходит из сложности объекта исследования, поэтому рассматриваются не исключительно авторы, не исключительно акты управляющих влияний с их последствиями, не только субъекты в процессе активности, а комплекс этих явлений и поведения участников среды. За счет этого метод включает в себя различные подходы: наблюдение нелинейных процессов в динамике, аналог биографического исследования для представления временной составляющей и этапов развития ситуаций управления, фокус-группы для актуализации тезаурусов, выявления целевой составляющей управления и т. д.

Актуальность определяется как нарастающим уровнем проникновения медийных практик в России, так и особенностями включенных в эти практики групп, в первую очередь молодежи. Процедуры и методы сбора данных, а также научные интересы в такой сложной обстановке не ограничиваются чисто социологическими. Психология (изучающая модели поведения и активности субъектов среды), психолингвистика (подходы в изучении языковой активности, маркирующей модели поведения), социальная психология, теории среднего уровня (социология управления, экономическая и политическая социология) находят в этом поле источники необходимых для современного развития данных. Таким образом, предлагаемый комплексный подход только намечает возможные варианты изучения сферы, требующей пристального внимания как части медийного пространства Интернет.

Литература

1. *Лаззарато М.* Предприятие и неомонадология // Логос. 2007. №4(61). С.169-172.
2. *Делез Ж.* Post scriptum к обществам контроля // Элементы. 2000. №9.
3. *Соколова Л.Н.* Популярная культура Web 2.0: к картографии современного медиаландшафта. Самара: Самарский университет, 2009.
4. *Абульханова К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М.: Наука, 1989.
5. *Василенко Л.А.* Интернет в информатизации государственной службы России (социологический анализ). М., 2008.
6. *Лаззарато М.* Нематериальный труд // Художественный журнал. 2008. № 69.
7. *Ильин В.И.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.
8. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2008.

РОЛЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Александра АЛЕШИНА

заместитель начальника отдела экономической интеграции и обеспечения международного сотрудничества Управления планирования и экономического анализа Федеральной службы по тарифам

Транснационализация в целом и становление транснациональной политической среды, в частности, представляют собой один из важнейших результатов глобализации. Огромным потенциалом развития и влияния на мировую политику обладают транснациональные корпорации (ТНК). На рубеже XX–XXI вв. ТНК фактически превратились в акторов международной политики, активно участвуя во всех глобальных процессах, происходящих в мире. Транснациональные корпорации, наравне с промышленно развитыми странами, широко проявляют себя в политике, экономике, в финансово-инвестиционной, научно-технической, военной, технологической, экологической сферах. Наряду с крупнейшими державами они имеют собственные многочисленные спецслужбы.

В результате слияний и поглощений крупных ТНК появляются транснациональные суперкорпорации. Они концентрируют в своих руках экономическую и политическую власть, способны оказывать влияние не только на рынки, но и на деятельность отдельных государств. Все более распространенной становится практика поглощения крупными ТНК мелких инновационных компаний: все расходы на НИОКР несет поглощаемая компания, а ТНК использует свои ресурсы для конечной стадии коммерциализации нововведения – организации массового производства. Эта тенденция позволяет обеспечить контроль ТНК за развитием новых технологий в важнейших отраслях мирового хозяйства.

Рост трансграничных слияний и поглощений приведет к появлению нового глобального рынка компаний в дополнение к растущим региональным и глобальному рынкам продукции и услуг и к возникновению интернациональной производственной системы.

Слияния и поглощения являются средством скорейшего достижения целей роста при экспансии как внутри страны, так и за ее пределами. Эта стратегия позволяет компаниям быстро приобрести портфель «экономико-географических активов», который превращается в один из ключевых источников конкурентной мощи в условиях глобализации экономики. По критерию времени приобретение уже существующей компании с отлаженной маркетингово-распределительной системой предпочтительнее альтернативы, связанной с развертыванием новой подобной системы.

И в развитых, и в развивающихся странах в ближайшем будущем вероятны тенденции усиления концентрации, роста рыночного влияния отдельных компаний и ослабления конкуренции, т. е. антиконкурентные последствия слияний и поглощений корпораций (в то время как прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в новые проекты увеличивают количество существующих компаний и усиления рыночной концентрации не происходит). В развивающихся странах

поглощения местных компаний иностранными могут привести к установлению иностранного господства в определенных отраслях экономики. Ведь слияния и поглощения, как правило, приводят к смене собственника и к переходу контроля из рук национальных фирм к зарубежным компаниям. Тем самым ставится под угрозу национальный суверенитет и развитие технологического потенциала страны. Также обращает на себя внимание потенциальная угроза национальной культуре или самобытности.

С точки зрения развития принимающей страны слияния и поглощения компаний по сравнению с инвестициями в новые проекты в момент осуществления сделок или в краткосрочной перспективе после их реализации могут характеризоваться меньшими выгодами или иметь более значительные негативные последствия. Финансовые средства, поступающие в рамках слияний и поглощений, не всегда способствуют наращиванию производственных активов страны, тогда как ПИИ в новые предприятия обязательно увеличивают их.

Таким образом, определенный объем иностранных инвестиций, проникающих в страну путем слияний и поглощений компаний, может обеспечивать меньший прирост производительных инвестиций по сравнению с тем же объемом ПИИ в создание новых предприятий или вообще не обеспечивать его. ПИИ через каналы слияний и поглощений на начальном этапе не создают новых рабочих мест. Наоборот, они часто приводят к увольнениям и сокращению количества рабочих мест в отличие от инвестирования в новые предприятия, при котором обязательно создаются новые рабочие места.

Последствия трансграничных слияний и поглощений можно скорректировать с помощью рычагов политики, особенно в области конкуренции. В связи с либерализацией режимов ввоза прямых иностранных инвестиций во всем мире важно не допустить того, чтобы на смену барьерам, регулирующим ПИИ, пришла антиконкурентная практика компаний. Этот процесс должен оставаться в ведении только национального государства, что является еще одним существенным доводом в пользу государства как важного института, обеспечивающего власть закона, а также дальнейшего развития отношений сотрудничества государства и ТНК.

Еще одним направлением инновационной активности ТНК будет являться образование стратегических альянсов для более эффективного осуществления НИОКР. «Возможность отдельных компаний вступать в различные стратегические альянсы позволяет решать целый спектр научно-технических проблем путем объединения с иностранными партнерами, обладающими различными технологиями. Обмен технологиями в рамках международных стратегических альянсов обладает большей мобильностью, чем в слияниях и поглощениях» [1, с.113]. Оперативное создание альянсов для решения конкретных научно-технических проблем позволяет быстро осуществить обмен интеллектуальными ресурсами между участниками альянса, не создавая при этом ограничений ведению ими коммерческой деятельности на отдельных рынках.

Рассматривая потенциал развития ТНК в мировой политике, остановимся на вопросе управления. Корпорации на современном этапе своего развития все больше отказываются от исключительного владения и акционерного контроля материнской компании над местными подразделениями и одновременно переходят не только национальные, но и отраслевые границы, обзаводясь активами, «непрофильными» с точки зрения их первоначальной специализации. Система управления и контроля в этой ситуации приобретает чрезвычайно разнообразный и многоплановый характер. Помимо традиционных филиалов и дочерних фирм все большее распространение получат косвенные методы контроля над формально независимыми компаниями при помощи долгосрочных эксклюзивных контрактов, лицензий, аренды и промышленной кооперации. Тем самым в перспективе будут видоизменяться и все более усложняться взаимосвязи и взаимозависимость между самыми различными ТНК.

Начиная с 2000 г. в управленческую практику прочно вошел аутсорсинг – передача не только части производства, но и многих «бизнес-процессов» – вплоть до информационных технологий и бухгалтерии – в управление внешним специализированным компаниям [2, с.2]. Таким образом, существует тенденция к превращению «материнских» компаний в «мозговой центр» обширных конгломератов, основанных на самых разнообразных формальных и неформальных связях. Даже в традиционно консервативных сырьевых отраслях в последние два десятилетия собственность ТНК в добыче сокращается, а их контроль над переработкой, сбытом, распределением и услугами растет [3, с.6-7].

Также немаловажной представляется тенденция вторжения ТНК в национальные экономики в виде иностранного контроля над природными ресурсами, транспортом, СМИ и средствами связи, которая, вероятно, будет набирать обороты до тех пор, пока государства, одно за другим, не встанут на путь движения к самозащите в связи с угрозой их национальной безопасности [2, с.2].

ТНК можно считать своеобразным «акселератом развития»: они предоставляют принимающим странам капиталы, технологию, опыт организации и управления производством в «пакете». Такая «акселерация развития» в первую очередь используется ТНК для обеспечения высоких темпов экономического роста [4, с.162-166]. Но эта же «акселерация развития» будет и в дальнейшем ими использована как достаточно действенный инструмент повышения не только экономической, но и политической активности на мировой арене.

Что касается международного права, транснационализация привела к формированию нового мирового порядка, при котором международные организации уже не столько действуют на основе норм этого права, сколько оформляют своими решениями силовую политику стран-лидеров. И в дальнейшем, без детальной проработки норм международного права, касающихся деятельности ТНК, последние останутся вне правового поля.

«Активность транснациональных акторов все в большей степени ведет к «феодализации», растаскиванию сфер мировой политики «по кусочкам». Причем от государства «забирают» такие области, которые традиционно принадлежали ему. В частности, одна из наиболее чувствительных сфер – безопасность» [5, с.48]. Сфера деятельности частного бизнеса расширилась за счет поддержки военных операций, консультирования по военным вопросам, разведки, охранных функций и др. Государства «уходят» из сферы безопасности. Соответственно ТНК, обладая такими ресурсами транснациональной власти, как всеохватность и мобильность, могут (и, вероятно, должны) реализовать потенциал своего развития в сфере со-обеспечения, наряду с государствами, мировой безопасности.

Если раньше сети внутри- и межфирменной производственной кооперации не выходили за пределы национальных экономик, то сегодня ситуация в корне меняется. Теперь по несколько национальных хозяйств вместе со своими экономическими и социальными проблемами, внутри- и внешнеэкономической политикой все чаще оказываются внутри производственной сети той или иной крупной ТНК. «Правительства попавших в международную производственную сеть стран вынуждены ориентироваться на привнесенные ТНК условия и приспосабливать к ним свою политику» [6, с.91].

Такая метаморфоза идет на пользу тем оказавшимся в сети менее развитым странам, которые получают возможность быстрее технологически и организационно подтянуться до более развитых. Успех использования таких возможностей зависит от политики национальных властей. С другой стороны, более развитие страны, откуда пришли филиалы ТНК, страдают от утечки в менее развитые страны своих низко- и среднетехнологичных работников и обострения по этой причине проблемы занятости.

Но в общем и целом развитие таких производственных сетей становится двигателем выравнивания мирового технико-экономического ландшафта [6, с.91].

Все большую актуализацию в будущем

получит процесс продвижения национальными государствами своего социокультурного опыта в дружественную среду за пределами своих границ. Уже на современном этапе существуют так называемые «испанский мир», «французский мир», «британский мир», влияя на предпочтения в выборе объектов инвестиций и программ развития. Цель создания таких «миров» направлена на появление и укрепление общезначимых символов идентичности.

В целом ряде случаев ТНК уже сейчас принадлежит ключевое влияние на мировую политику и межгосударственные отношения. Их участие в создании транснациональной среды мировой политики приобретает все более структурообразующее, территориально обширное и углубленное значение. Международный характер деятельности ТНК постоянно сталкивает их с внешнеполитической проблематикой.

В XXI в. политизация деятельности ТНК в международном масштабе будет усиливаться. Нации и страны будут сталкиваться с мировыми рыночными силами, которые сильнее их, однако только национальное государство остается структурой, обладающей суверенной законной властью. Как мы считаем, наиболее вероятным будет «частичная глобализация некоторых аспектов управления, локализация других и изменение государства для адаптации к таким переменам» [7]. Но во избежание односторонней зависимости от диктата «авторитетов» международного бизнеса власти государства должны будут рассматривать сразу несколько конкурирующих идей, включая предложения, исходящие от средних ТНК. Такая политика государства в отношении ТНК будет помогать в преодолении признаков «корпоративного феодализма» в деятельности ведущих ТНК, который, при определенных условиях, может стать угрозой миропорядку.

Литература

1. Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, безопасность. Мировое развитие / Под общ. ред. Ф.Г. Войтоловского и А.В. Кузнецова. М.: ИМЭМО РАН, 2008.
2. *Фомин А.* Поведение иностранного бизнеса в стране пребывания // Международные процессы. 2008. № 3(18).
3. *Пашин С.Т.* Маркетинг в инвестиционной политике транснациональных компаний. СПб: Препринт, 2000.
4. *Бабиков А.В.* Транснациональные компании в мировой политике: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2005.
5. *Мельвиль А.Ю.* Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО, 2007.
6. *Шишков Ю.В.* Интернационализация производства – новый этап развития мировой экономики. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
7. URL: http://www.shaneland.co.uk/academic/ma/globalisationessay1.pdf – Шейн Кафлен. Есть ли будущее у национального государства?

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ В XIX ВЕКЕ

Игорь ЛЯПИН

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

С момента образования древнерусского государства в структурировании аппарата государственной власти России усматривается противодействие двух тенденций – централизации и децентрализации. На разных исторических этапах влияние обозначенных тенденций во многом определяет не только исторические особенности формы государства, но и векторные направления государственной политики в целом.

В эпоху правления Александра I начали формироваться предпосылки для рассмотрения децентрализации в управлении как демократического института. Это проявилось в двух аспектах. Первый был связан с провозглашенным курсом на законность управления (утверждалось единство законности и управления). Второй аспект – теоретический – обусловлен идеями М.М. Сперанского о переустройстве Российского государства (конституционная монархия, принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную, система представительных органов во главе с Государственной думой, признание гражданских прав, реформа государственной управленческой системы и местного самоуправления) [1].

Характеризуя управление первой половины XIX в., необходимо отметить усиление территориальной децентрализации по вопросам общей компетенции. Роль губернатора как высшего правительственного чиновника в местных административных органах власти постоянно усиливалась. Его полномочия и функции были весьма велики – он обладал всей полнотой административной власти в губернии; осуществлял надзор за полицией, тюрьмами, рекрутскими наборами; реализовывал социальные программы и благотворительную деятельность; курировал сбор налогов и т. п. Н.П. Ерошкин отмечает, что поток дел, проходивших через губернское правление, был огромен – ежедневно губернатор должен был подписывать порядка 270 бумаг [2].

Несмотря на серьезные реформы множества российских институтов государственности во второй половине XIX в., существенных изменений не произошло. Создание новых органов исполнительной власти (Совет Министров, Собственная Его Императорского Величества Канцелярия, Министерство внутренних дел, Министерство путей сообщения и др.) не повлекло совершенствования механизмов системы управления.

Годы царствования Александра III выдвинули на политическую арену идеи централизации и укрепления принципа бюрократического самодержавия. «Русское самодержавие, – писал М.Н. Катков, – не может и не должно терпеть никакой неподчиненной ему или не от него исходящей власти в стране, никакого государства в государстве... Самое главное – устроить на твердых началах и поставить в правильное отношение к центральному правительству земство и местное управление» [3].

Единство управления на всей территории Российской империи позволяло проводить эффективную координацию действий властных элит всех территорий, что в свою очередь формировало единый слаженный государственный механизм.

12 июня 1890 г. был опубликован новый, утвержденный Александром III, вариант «Положения» о губернских и уездных земских учреждениях [4], которое восстановило сословность избирательных групп и благодаря изменению ценза еще более усилило представительство от дворян. Согласно положению крестьяне выбирали только кандидатов от волостных сходов, а крестьянских гласных назначал губернатор. По положению 1890 г. были лишены избирательных прав: духовенство, церковный притч, крестьянс-